

КНИЖНЫЙ ДОМИК В ТОСКАНЕ

АЛЬБА ДОНАТИ

перевод Полины Дроздовой

роман

МИОО

Альба Донати
Книжный домик в Тоскане
Серия «МИФ Проза»
Серия «Романы МИФ.
Прекрасные мгновения жизни»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70274170

Альба Донати. Книжный домик в Тоскане: Манн, Иванов и Фербер;

Москва; 2024

ISBN 9785002143580

Аннотация

Устав от суеты и спешки большого города, издательница Альба Донати возвращается в родную деревушку в Тоскане, чтобы воплотить свою давнюю мечту – открыть книжный магазин. Казалось бы, в местечке с населением всего 180 человек такое предприятие обречено на провал, но хозяйке книжного магазина «Сопра Ла Пенна» удается совершить невозможное...

Для кого эта книга

Для тех, кто любит магическую атмосферу книжных магазинов и библиотек.

Для читателей «Дневника книготорговца» Шона Байтелла,
«Круглосуточного книжного мистера Пенумбры» Робина Слоуна,
«Службы доставки книг» Карстена Хенна.

Для тех, кто хочет насладиться неповторимой атмосферой
маленькой деревушки в солнечной Тоскане.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Январь	9
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Альба Донати

Книжный домик в Тоскане

Original title:

La libreria sulla collina

by Alba Donati

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

Все права защищены.

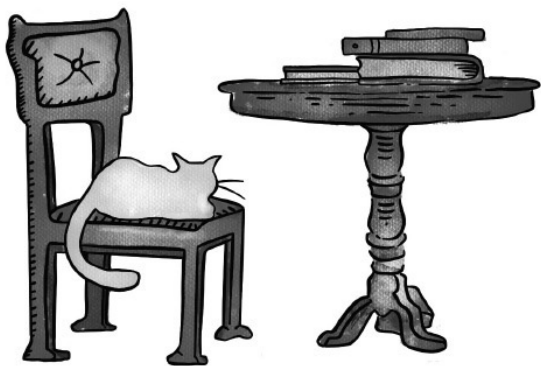
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2022 Giulio Einaudi editore s.p.a., Torino Pubblicato in accordo con The Italian Literary Agency, Milano

© 2022 Alba Donati Published by arrangement with The Italian Literary Agency

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

*Моей несуразной семье, состоящей из путаницы
дат и имен*

– Романо, я бы хотела открыть книжный магазин у нас в деревне.

– Хорошо, а сколько у вас жителей?

– Сто восемьдесят.

– Так, если сто восемьдесят тысяч поделить на...

– Не сто восемьдесят тысяч, просто сто восемьдесят.

– Ты сумасшедшая.

Из телефонного разговора с Романо Монтрони, в то время директором сети книжных магазинов «Фельтринелли»

Жила-была однажды королева, и был у нее кукольный домик... такой чудесный, что со всех уголков мира люди приходили посмотреть на него¹.

Вита Сэквилл-Уэст «Тайна кукольного домика»

¹ Сэквилл-Уэст В. Тайна кукольного домика. = Sackville-West V. Mistero nella casa di bambole / traduzione di C. V. L. L'ippocampo. Milano, 2018.

Январь

20 января

Каждая девочка несчастлива по-своему, а что касается меня, то я была очень и очень несчастлива. Может, причиной послужила свадьба брата, потрясшая все мое существование в возрасте шести лет, а может, моя мать, которая придерживалась несколько устарелых взглядов, или, может, какое-то влияние оказала обычная недолговечность внимания со стороны подружек: сегодня я с тобой играю, а завтра уже не же-

лаю водиться и играю с другой.

С тех пор как я открыла книжный магазин, в каждом разговоре рано или поздно возникает вопрос: как вам пришло в голову открыть книжный магазин в затерянной глухой деревеньке, где живет сто восемьдесят человек?

Сегодня я упаковала множество посылок. В Салерно живет одна синьора, которая празднует День святого Валентина таким образом: одной своей дочери она дарит книгу стихов Эмили Дикинсон, календарь Эмили Дикинсон и «Эмили» – духи на основе натуральной эссенции османтуса, а другой дочери – книгу Эмили, календарь Эмили и браслет, украшенный лепестками розы и гипсофилами. И, будто этого мало, синьоре нужен «Гербарий» нежно любимой Эмили и еще один календарь уже для себя самой.

Как мне пришла в голову идея открыть магазин? Идеи не приходят в голову – идеи прячутся в нас, бродят, осаждают наше воображение, пока мы спим. Они живут сами по себе и развиваются параллельно в каком-то дальнем уголке нашего существа, о котором мы даже не имеем ни малейшего представления, пока в один прекрасный момент они не предстают перед нами, мол, встречай нас, мы – твои идеи и хотим, чтобы ты нас выслушала.

И эта идея, похоже, так же покоилась где-то в глубине, запрятанная в складках того сумрачного и вместе с тем жизне-радостного уголка, что зовется детством.

Одним из питавших ее источников было дело Лавори-

ни – первого похищенного ребенка, убитого на моей памяти и найденного затем в окрестностях Виареджо: его историю мне каждый день рассказывал дедушка, у которого был кассетный магнитофон. Дедушка Туллио не шел в ногу со временем, в отличие от моих теток, очень современных и распутных (как утверждала деревенская молва). Я немного стыдилась их, но в то же время обожала.

Их присутствие в моей жизни уравнивалось на другой чаше весов теткой Польдой, сестрой моей матери, крестьянкой по роду занятий – доброй и отзывчивой женщиной, которая в числе прочего никогда не была замужем и очень этим гордилась. Я целыми днями любила играть с пуговицами у нее на кофточке, то расстегивая, то застегивая их, что давало мне предлог сидеть у нее на руках и слушать ее истории. Еще одна тетка, тетя Фени – в миру Фенизия – тоненькая, но сильная, робкая и мудрая, служила экономкой в чужих домах; это она, принося мне подаренные ей хозяевами книги, приобщила меня к чтению романов.

В честь нее я дала имя «Фенизия» школе языков культуры, которую несколько лет назад основала вместе с моим партнером Пьерпаоло. Заботливо возвращать знание мне представлялось столь же необходимым, как и заботливо готовить вкусный минестроне² – такой, какой умела делать она.

Зато моя мама рассказывала истории, которые могли убить наповал даже динозавра эпохи плейстоцена. В самой

² Популярный в Италии легкий овощной суп.

ее любимой говорилось о девочке, задремавшей под деревом, пока мать работала в полях. О том, как в этот момент появилась большущая змея и заползла в горло малышке. Здоровой реакцией моего детского организма стал своего рода блэкаут, спрятавший эти воспоминания и законсервировавший то, что еще можно было спасти и что значительно позже, за двенадцать лет сеансов психотерапии спасет доктор Лючия.

Наша деревушка была маленькой, но я любила ее и рисовала холм напротив дома весной, летом, осенью и зимой, как если бы это была гора Килиманджаро. Небывалые места, как сказал бы философ, – это места, где ты никогда не бывала. И на тот холм напротив дома я до сегодняшнего дня так ни разу и не поднялась. Я обожала иней на полях, мне казалось, что это хрусталь, из которого сделан замок Спящей красавицы. А еще я обожала муравьев за упорство, с которым они боролись за выживание. В какой-то момент, если живешь в доме без отопления, без удобств, а твои глаза, руки и даже уши начинают одолевать разные хвори, вполне логично начинаешь думать, что умираешь.

На этой предваряющей повествование картинке не хватает папы. Мне и в самом деле очень его не хватает, ведь когда он сидел рядом с моей кроваткой – которая, как мне часто представлялось, должна была стать моим смертным одром, – все хвори глаз, рук и ушей отступали и мир снова становился достойным моего взгляда.

Этот дневник я по случайности завела 20 января – в день, с которого начинается «Ленц» Бюхнера и вокруг которого Пауль Целан, поэт, получивший премию Бюхнера 22 октября 1960 года (за девять лет, пять месяцев и двадцать девять дней до того, как броситься в Сену с моста Мирабо), строит свою торжественную речь на церемонии вручения.

Потому что даты очень важны, и у каждого из нас есть свое 20 января – день, когда Ленц бросает все и отправляется в путь. Также 20 января 1943 года в путь отправился и первый муж моей матери. Он, вместе с другими альпийскими стрелками³, оставшимися в живых, получил приказ оставить Дон и отступить. Это было эпилогом войны с Россией, которая только за эти дни унесла жизни пятидесяти одной тысячи солдат, убитых или пропавших без вести. Температура тогда опустилась до сорока градусов мороза, а у многих из них не было даже обуви.

Йоле, моей матери, было двадцать четыре года; Марино, ее мужу, – двадцать восемь; Джулиано, моему брату, – шесть месяцев. Семья, которой не стало, разлетелась на куски под Воронежем – городом, где жил Осип Мандельштам, прежде чем оказаться в заключении в сибирском лагере и там умереть.

³ Альпийские стрелки, или альпини, – изначально горнострелковые войска армии Италии; в широком смысле – все итальянские воинские подразделения. – *Прим. пер.*

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня или проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь, –
Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож⁴...

Моя мать все ждала и ждала, но от Марино не было никаких вестей, как будто его поглотила бескрайняя степь. Официальные сведения в военных реестрах заканчиваются датой 23 января 1943 года, и после этого – ничего. Вместо этого пришла военная пенсия, предназначенная женам всех пропавших без вести.

Мандельштам провел меня за руку по своей степи еще прежде, чем я узнала, что степь эта – та самая, над которой плакала моя мать.

Между тем я тоже все бросаю: прекраснейший в мире город, завидную работу, красивый дом рядом с Национальной библиотекой – и возвращаюсь в деревню, чтобы посмотреть, пропала ли змея, и узнать, не была ли случайно та девочка под деревом едва задремавшей Алисой в Стране чудес.

* * *

Сегодняшние заказы: «Изверг» Эмманюэля Каррера,

⁴ Мандельштам О. Воронежские тетради. Первая тетрадь. = Mandel'stam O. *Quaderni di Voronež. Primo quaderno* / a cura di M. Calusio, prefazione di E. Krumm. Milano: Mondadori, 1995 (© 2015 Mondadori Libri S.p.A.).

«Жизни девочек и женщин» Элис Манро, «История одного мальчика» Эдмунда Уайта, «Покидая дом» Аниты Брукнер, «Между актов» Вирджинии Вулф, «Отель “Тишина”» Аудур Авы Олафсдоттир.

21 января

Идея открыть книжный магазин, уже готовая и перевязанная бантиком, постучалась ко мне в дверь ночью 30 марта 2019 года. В моем распоряжении был небольшой пригорок у дома, где мама сажала салат, а я на проволоке, протянутой между двумя ветхими столбиками, развешивала белье на просушку. Денег у меня имелось немного, поэтому нужно было что-нибудь придумать.

В детстве у меня был огромный чердак. Сам же дом, как зеркало, отражал нашу семью: наполовину жилой, наполовину провалившийся в пустоту. За входом сразу же располагалась кухня, направо – большая комната, поделенная моей матерью на две с помощью зеленой занавески с большими розовыми кистями (с той ее стороны, которая в разные дни становилась то моей спальней, то комнатой умирающей), а налево – небольшая гостиная, полностью обустроенная в стиле семидесятых годов, с полированными столом, стульями и сервантом из ДСП: их поверхности так сияли, что казались еще более фальшивыми, чем на самом деле. Дальше находились две двери. Одна вела в погреб – место, кото-

рое добавило как минимум пару лет к моим сеансам психотерапии с доктором Лючией и где, по всей вероятности, были написаны все самые страшные сказки, существовавшие испокон веков. Другая же вела на чердак.

В чердаке было кое-что, делавшее его совершенно особенным. Первый пролет ведущей навверх лестницы устилал перфорированный кирпич – эту работу начал мой отец, когда мы только обосновались в доме, – но стоило завернуть за угол, чтобы продолжить подъем, как новая лестница заканчивалась и начиналась другая, деревянная, построенная несколько сотен лет назад. Отцовская любовь в этом месте обрывалась. Когда я поднималась, то на этом месте всякий раз начинала молиться, чтобы деревянная лестница выдержала и не рухнула в тартарары, где, без сомнения, меня уже поджидала та самая огромная змея.

Эта лестница, разделенная на две части, – свидетельство начатой, но брошенной на полпути работы – стала местом, где рождаются мечты. Потому что когда я, повернув за угол и миновав эти пять окаянных шатких ступенек, добиралась наконец до чердака, то оказывалась в безопасности. Я смогла все преодолеть и теперь в своем царстве. Я обустроивала воображаемый класс с детьми – каждый со своей тетрадкой – и проводила урок. Я играла роль учительницы, исправлявшей ошибки в моих собственных старых домашних заданиях, тех, что делала год или два назад. Или же принималась читать своего рода личную Библию: энциклопедию

«Хочу все знать» издательства Фаббри из двенадцати томов плюс и четырех приложений. Полагаю, что и мое представление о моде появилось оттуда. Там были три страницы, посвященные римской обуви, которые буквально сводили меня с ума от восторга. Поэтому я купила себе две пары сандалий на манер римских рабынь с ремешками крест-накрест, доходившими до колена. Одни золотые, а другие белоснежные. Мне было около двенадцати лет – возраст Лолиты. В остальном же речь в энциклопедии шла о крайне серьезных вещах:

Движение итальянских карбонариев⁵

Святой Франциск Ассизский

От дерева к бумаге

Рим завоевывает Таранто

Джузеппе Мадзини⁶

Реформа и контрреформа

Миндалины

Гений Леонардо

Данте

Пять дней Милана⁷

⁵ Карбонарии – члены тайного, строго законспирированного общества в Италии в 1807–1832 годах, выступающего за национальную независимость и единство Италии.

⁶ Джузеппе Мадзини (1805–1872) – итальянский политик, писатель и философ, сыгравший важную роль в ходе первого этапа движения за национальное освобождение и либеральные реформы в XIX веке. Состоял членом общества карбонариев.

⁷ «Пять дней Милана» – исторически закрепившееся наименование событий 18–22 марта 1848 года, произошедших в Милане в начале первой войны

Даже знание о том, что женщин, входивших в общество карбонариев, называли «кузины садовницы», доставляло мне неожиданную радость: я как будто владела машиной времени и, открывая страницу, нажимала на ее кнопку. Я уносилась куда-то далеко, в небывалые места – мое любимое местопребывание. «Мы не вызываем ее к доске, мы боимся», – кажется, так говорили учителя моей матери, сменившей к тому времени сказку о задремавшей под деревом девочке и змее на всевозможные проклятия. Потому что к тому времени мой отец от нас ушел.

Я заканчиваю паковать посылки для синьоры из Салерно и двух ее дочерей. Вот как мне пришла в голову мысль открыть книжный магазин в маленькой деревушке в гористой части Тосканы, на вершине холма между горой Прато-Фьорито и Апуанскими Альпами. Эта мысль пришла мне, чтобы мама, живущая в Салерно, могла подарить своим дочерям две коробки, полные Эмили Дикинсон.

* * *

Сегодняшние заказы: «Ордеса» Мануэля Виласа, «Секрет Джейн Остин» Габриэлы Маргалл, «Саду я еще не сказала» Пии Перы, «Последний побег» Трейси Шевалье, «Га-

на должна уйти» Тайе Селаси, «Что видно отсюда» Марьяны Леки, «Да пребудет с тобой красота» Антонию Арслан, «Полое сердце» Виолы Ди Градо, «Эдвард Хоппер» Марка Стрэнда.

22 января

Одним из преимуществ, появившихся в результате перемен в моей жизни, стала возможность слышать во время дождя стук капель по крыше. В городе, если ты лежишь в постели, тебе нужно встать и отдернуть занавески, чтобы понять, какая на улице погода. А здесь ты ощущаешь ее всем телом. Сладостный звук дождя, как говорит Диана Атхилл в одном из своих рассказов, здесь, в деревне, – это порой нежный, порой властный, зовущий меня голос.

Сегодня у нас зазвонил телефон и равнодушный и невыразительный голос сообщил об ожидаемом резком ухудшении погодных условий с угрозой подъема уровня рек и схода оползней. Для книжного магазина это проблема, потому что в плохую погоду у людей нет желания рисковать, отправляясь в путь по горной дороге.

Лучиньяна находится на высоте пятьсот метров над уровнем моря: идеальное место, чтобы не чувствовалось ни большой жары, ни большого холода. Она была полностью построена из камня еще в первом тысячелетии нашей эры. Когда-то для защиты здесь квартировался гарнизон, стояли

крепостные стены и замок, который, судя по всему, размером не сильно превышал большой дом. Сегодня словом «кастелло» – «замок» – мы называем один из участков нашей деревни.

В Лучиньяне мы идем или в Кастелло, или же в Пенну, в Шимоне, в Варикокки, на Пьяццу, на Пьяццоло или в Сарроккино; некоторые из названий со временем переименованы. Шимоне был когда-то Сан-Симоне, а Сарроккино назывался Сан-Роккино.

Сегодня в Кастелло живет Майк – безумно приятный англичанин, бывший военный на пенсии, один из тех, кто прошел Афганистан. У меня вызывает смех то, что он установил рядом с домом бассейн и летом блаженствует в саду в костюме Адама, смущая наших деревенских жителей. Когда я захожу к нему в гости, то прежде чем, усадив меня с видом на одну из красивейших панорам в мире, подать мне бокал спритца⁸, приготовленного по его собственному рецепту (то есть «Апероль» и много-много швепса), он с грехом пополам обматывает вокруг пояса полотенце и со множеством «сорри» бежит надевать шорты.

Его дом – это и правда дом с самым красивым видом, какой только бывает на свете. Прямо напротив возвышаются Апуанские Альпы, и, глядя на огненно-красные закаты, ты

⁸ Спритц (*итал.* Spritz от *нем.* spritzen – «брызгать») – венецианский коктейль, в состав которого входят просекко, горький аперитив и содовая. Одним из наиболее популярных вариантов является «Апероль-спритц», где в качестве аперитива используют «Апероль». – *Прим. пер.*

буквально ощущаешь, как солнце, едва опустившееся за вершины, медленно скользит в прибрежные воды Версилии.

Именно здесь много лет назад я хотела открыть дом для писателей и переводчиков. Вместе с моей подругой Изабеллой, которая, как и я, сотрудница издательства, мы несколько месяцев фантазировали и строили планы, но потом так ничего и не произошло. Дом, принадлежавший Лео и Эвелине Менкелли и их детям Антонио и Роберте, в конце концов попал в руки к англичанам. Я люблю англичан, понятное дело, потому что они покупают и со всем уважением реставрируют, а значит, улучшают то, что мы за все прошедшие годы только портили.

У Майка на втором этаже есть куча прекрасных книг на родном языке, и он подарил мне кое-что из Дороти Паркер и Сильвии Плат.

Майк купил дом в Кастелло у других англичан, но, по правде говоря, он купил его для своей жены, которая вскоре после этого умерла. Это именно она сказала: «Мы покупаем не дом, а вид». Книги наверху принадлежали ей.

Как-то Майк пришел к нам в книжный, уселся в саду на один из стульев – небесно-голубых адирондаков – и углубился в чтение «Обычного человека» Филипа Рота. Он достал его из рюкзака вместе с бокалом для аперитива, куда налил свой спритц, приготовленный с большим количеством швепса. Этаким рюкзаком в стиле Мэри Поппинс, в котором есть все, что тебе нужно.

Сегодняшние заказы: «Ученик счастья» Пии Перы, «Мисс Остин» Джилл Хорнби, «Трилогия Холта» Кента Харуфа, «Дневник одиночества» Фаусты Гаравини, «Поваренная книга жизни» Алисы Бабетт Токлас, «Город живых» Николы Ладжойя.

23 января

Сбылись прогнозы спасательной службы. Лило целый день вместе с постоянными порывами ветра, то есть дождь как из ведра стекал по окнам и по большей части попадал внутрь. Я винила во всем Джованни, плотника, ремонтировавшего нам окна и ставни; но все-таки против дождя и ветра, похоже, сделать ничего нельзя.

Мысль моя без конца возвращается к моему маленькому коттеджу, наполненному книгами. Я знаю, что они страдают от холода и сырости, дрожат и иногда обложки у них скукоживаются, идут волнами – явный признак того, что им плохо, что они боятся оказаться брошенными. Зато в солнечные дни, когда мы иногда даже оставляем дверь открытой, я вижу, как они улыбаются мне и благодарят.

Заботиться о них стало моей новой работой. Около два-

дцати пяти лет я работала в мире книг и опекала множество писателей, но это было по-другому, ведь не я их выбирала, а их передавал мне на попечение редактор. Я читала по обязанности. И даже преуспела с точки зрения карьеры, вершиной которой стало предложение руководить пресс-службой одного большого издательского дома. Но было слишком поздно. У меня росла маленькая дочь, и жизнь в Милане приводила меня в ужас. Я сказала нет. Это было безумие. Предложение изменилось на внештатную занятость. Я была счастлива. Отмечать пропуски и соблюдать строгий рабочий режим не для меня. Анархистка во мне желала жить своей беспорядочной жизнью.

Мне поручали самых разных авторов. Я чувствовала себя баловнем судьбы: на мою долю достались Майкл Каннингем, Даша Дрндич, Эдвард Кэри.

Майкл – очень красивый мужчина. Как-то раз в Мантуе, в Вероне, он ночевал в роскошной комнате в одном из дворцов, расположенных прямо на Пьяцца-делле-Эрбе. У нас была договоренность о встрече для большого телевизионного интервью, и вот он на ней не появляется. Мне удастся проникнуть во дворец, войдя вместе с уборщиками. Мы подходим к его комнате – и ничего, внутри полнейшее молчание. Поколебавшись и посоветовавшись, мы решаем позвонить. Никакого ответа. Даже я, с моей склонностью оптимистично смотреть на вещи, начинаю предчувствовать плохое. Тогда, снова поколебавшись и посоветовавшись, мы решаем

войти. То, что увидела, я никогда не забуду. Неплотно занавешенное окно позволяло пробиться в комнату лучу света, ласково обливавшему полностью обнаженное тело Майкла, который спал блаженным сном, завернувшись в белую простыню в до невероятности помпезной постели. Мне вспомнились строки Джамбаттисты Марино, где Венера впервые видит задремавшего Адониса и влюбляется в него: «Улыбка страсти, роза, горний цвет»⁹, ¹⁰.

В другой раз – скорее всего, в июне 2014 года – Каннингем был в гостях в долине Вальдарно, где оказался по приглашению баронессы Беатриче, вдовы австрийского писателя Грегора фон Реццори. Мы собрались в чудесном саду, украшенном композициями из белых роз, чтобы отпраздновать очередное вручение литературной премии его имени. С нами была моя дочь Лаура вместе со своей подругой Матильдой.

– Пойдем со мной, я покажу тебе самого красивого в мире писателя.

– Да, но не будем строить иллюзий, нам все равно ничего не светит.

Вот, пожалуйста – две тринадцатилетние девчонки бегают за самым красивым в мире писателем, и их не волнует тот факт, что он, вероятно, как минимум на сорок лет старше них: я вижу в этом один из примеров магического действия литературы.

⁹ Марино Д. Б. Адонис. = Marino G. B. *L'adone*. Milano: Rizzoli, 2018.

¹⁰ Пер. Е. Солоновича.

В книжном магазине у меня всегда в наличии по экземпляру его «Часов», «Дома на краю света», «Избранных дней» и «Плоти и крови». В этот самый момент, в такой дождь, я надеюсь, что и его книги, как Адонис, как сам Майкл в Мантуе, спят блаженным сном, ожидая, пока выглянет солнце, придет весна и появятся розы.

* * *

Сегодняшние заказы: «Дневник книготорговца» Шона Байтелла, «Саду я еще не сказала» Пии Перы, «Осень» Али Смит, «Бремя секретов» Аки Шимазаки, «Дуб Брейгеля» Алессандро Дзаккури.

24 января

Я отвела папу к окулисту. Он живет один, ему почти девяносто, и основное его времяпрепровождение – это чтение «Ла Нацьоне»¹¹. Мысль о том, что он может потерять зрение, приводит меня в такой ужас, что при первой же возможности я потащила его к врачу. Проблема оказывается со зрительным нервом левого глаза: во время последней ишемии мы его потеряли. Ему полагается быть розовым, а он белый.

¹¹ «Ла Нацьоне» (*итал.* La Nazione – «Нация») – самая популярная ежедневная газета Флоренции.

Мне хочется вызвать какого-нибудь электрика типа Луиджи, который ремонтировал нам проводку в коттедже, и попросить его заменить этот зрительный нерв. Пусть он подсоединит вместо него какой-нибудь свой проводок, ведь должен же быть способ починить зрительный нерв, разве нет? Но нет, такого способа нет. Но папа совсем не расстроился, более того – он сказал, что поход к врачу получился удачным. Мы сделали новые очки, и теперь он во всеоружии для чтения ежедневных новостей.

Папа имеет самое прямое отношение к книжному магазину. Это он, когда мне было пять лет, учил меня писать, так что в шесть я уже могла сама писать письма тете Фени, которая в то время служила экономкой в Генуе. Он родился, как и все в наших краях, в бедной семье, где был старшим из шести детей: Роландо, Валерио, Альдо, Марии Грации, Валерии и Рины. Один эксцентричнее другого.

Он родился в 1931 году и во время войны проявлял рвение не хуже взрослого партизана. Он слушал «Радио Лондон» и называл себя антифашистом. В деревне все были антифашистами. Лучиньяна с этой точки зрения совершенно особенная.

Никакого заискивания перед сильными мира сего. Любой, кто, появившись в деревне в том или ином качестве, начнет вести себя чванно, окажется в положении ученых врачей из «Пиноккио». Говорят, что во время фашизма Лучиньяна оказалась единственной деревней, где не было ни одного

члена партии. Из округа то и дело наезжали местные партийные шишки в черных плащах и не находили в деревне никого, кем бы можно было руководить. Люди прятались в полях, отсиживались в сараях и сушильнях – и прощай, партбилет.

Папа очень гордится этим нашим местным характером и всегда радуется, когда ему удастся закончить рассказ 8 сентября и объявлением перемирия, сделанным в эфире «Радио Алжир» в 18:30 генералом Эйзенхауэром и в 19:42 маршалом Бадольо в эфире Итальянской национальной радиовещательной компании. Подписание перемирия с американцами означало разрыв с нацизмом, и это для него, двенадцатилетнего мальчишки, была прекрасная новость. Лучиньяна взяла реванш, когда на седловине перевала Кановальо был зажжен огромный костер, чтобы внизу, в долине, там, где очень многие получили членские билеты фашистской партии, все его видели.

Однако маленького Роландо самое страшное ждало впереди. Ему предстояло еще пережить тот момент, когда история перестает быть Историей, становясь кровоточащей раной твоей собственной семьи.

Эвакуированные семьи начали возвращаться домой. В Лучиньяне жила одна семья, Терцони, у которой было много коров и утвари, и они искали возможность, как бы им спуститься в долину. Обратились за помощью к Аурелио Морикони, одному пятидесятилетнему крестьянину. Морикони – обычно его все называли по фамилии – согласился

и взял себе в помощь маленького Роландо и малыша Валерио. Оба брата, наверное, были просто счастливы принести пользу и почувствовать себя взрослыми. Добравшись до долины, они столкнулись с препятствием: им нужно было перейти на другой берег реки Серкьо, а мостов нет. Но, к счастью, есть бразильские солдаты, которые, помимо того что раздавали сигареты и жевательную резинку, оказывали помощь во всем. И вот они начали возводить через реку переправу из бревен и коряг, затем перегонять через нее коров, которые соскальзывали с нее и поэтому, перепуганные, как курицы при виде лисы, упирались, из-за чего их приходилось тащить силой. Короче говоря, это была вовсе не такая веселая прогулка, как воображали себе маленький Роландо и малыш Валерио. Наступил их черед, и Морикони, держа их за руки, поднялся на сваи. И вдруг услышал грохот. Это не самолет и не танк – это вода. Вода, которая прибывала со скоростью света и опрокинула их. Немцы взорвали на севере плотину – и вода бурлящим потоком устремилась к устью. Маленький Роландо, остававшийся на шаг позади, видел все. Вот солдаты бросились в воду, и им удалось что-то выудить. Это Аурелио Морикони. Но руки у него пустые – в его руке нет ручки малыша Валерио. Его найдут три месяца спустя недалеко от Диечимо, где-то в десяти километрах вниз по течению, зацепившимся за противотанковое заграждение. Маленький Роландо той ночью не пришел домой ночевать, и больше не было ни одной ночи, которую он про-

вел бы без боли и грусти.

Вот почему я думаю, что ему нельзя терять зрение – он всегда должен читать ежедневные новости в поисках выхода. История повторяется, и, возможно, если он будет наготове, то ему удастся изменить финал.

* * *

Сегодня заказов не было; я воспользовалась этим, чтобы дочитать «Почему ребенок готовится в поленте» Аглаи Ветераньи.

25 января

После мессы в книжный магазин пришли лучиньянские дети. Видеть, как они заходят стайкой, всегда радостно. Это же ради них все делается, ради того незримого моста, что перекинут от нашего детства к их.

Я взбиралась по лестнице, наполовину кирпичной, наполовину деревянной, чтобы оказаться на чердаке, где я была уже не маленьким человечком, слепленным из глины и страхов, а свободной личностью, желающей найти саму себя в книгах. Думаю, если бы у меня не было этого чердака, я бы умерла – может, даже под деревом со змеей в горле. Здесь, в этом месте, я хранила свои детские воспоминания: паль-

тишки, тетрадки, книги сказок, учебники, одежду, присланную родственниками из Америки (я ничего о них толком не знала), а еще там хранился амулет. Чемодан, куда, как я предполагаю, моя мать со злостью пошвыряла всю оставшуюся дома папину одежду. Я открывала чемодан каждый день, разглядывала туфли, сорочки, хлопчатобумажные майки. Я не знала, вернет ли мне этот чемодан отца или нет, но чувствовала, что он уберегает меня от боли, потому что так отец будто был рядом и защищал меня.

Лучиньяна сейчас в поиске своего похожего чердака. Открытие книжного магазина 7 декабря 2019 года стало в наших краях большим событием. Учительницы из школ близлежащего поселка Гивиццано рассказывали мне о гордости, переполнявшей даже трудных детей, таких как Алесио и Маттео. «У нас есть свой книжный магазин!» Деревушку, до вчерашнего дня неизвестную даже жителям ближайших поселков, теперь показывали по телевизору, писали о ней в газетах, и все о ней говорили. Люди собирались целыми автобусами, чтобы приехать к нам издалека. Например, из Реджо-Эмилии или из Виченцы. Они приезжали и в кемперах, но во всяком случае группами стекались со всей Тосканы. Тогда еще не было ковида – вернее, был, но мы об этом не знали.

Сегодня дети вошли к нам из сада, закутанные в шарфы и в нахлобученных шапках. София, голубоглазая блондин-

ка, выбрала «Маленьких женщин» в подарок подруге на день рождения, ее брат Паоло, тоже голубоглазый блондин, – книгу про пиратов, маленькая Анна взяла «Лягушачью королеву» Давида Кали и Марко Сомы, а Сара – «Алису в Стране чудес» с иллюстрациями Тенниела. Видеть, как они выходят из магазина с книгами под мышками, очень трогательно.

Еще среди них есть Эмма и Эмили. Когда они вместе идут по деревне, одна подле другой, на меня это всегда производит особое впечатление, как будто их шаг отличается от того, как ходят другие. Эмили знает это и каждый год покупает календарь Эмили Дикинсон. Она вошла в замок.

И потом есть еще Анжелика двенадцати лет. Анжелика – чтица. Анжелика – страсть. Она занимается художественной гимнастикой и часто приходит в книжный подежурить в качестве добровольной помощницы. Анжелика всегда ищет какую-нибудь «необычную» книгу, и когда она говорит «необычную», то прикрывает глаза и уносится из этого мира куда-то далеко в прошлое. Однажды она купила «Суси и Бирибиси», книгу, написанную племянником Коллоди.

«Эта книга напоминает мне о бабушке», – так она сказала.

Она обожает все от «Элинор Марианны»¹²: тетрадки, ежедневники, «необходимый набор чтицы». «Элинор Марианна» придумали два гениальных ежедневника: «Книги, кото-

¹² «Элинор Марианна» (Elinor Marianne) – флорентийский магазинчик писчебумажных принадлежностей, названный по именам героинь романа Джейн Остин «Разум и чувства», сестер Элинор и Марианны Дэшвуд. – *Прим. пер.*

рые я прочел» и «Книги, которые я бы хотел». Разумеется, у Анжелики есть они оба.

Анжелика – это я сама, наконец без страха возвращающаяся в свое детство. Потому что детство обманчиво, в нем есть и хорошее, и плохое, только тебе нужно найти волшебную палочку, чтобы превратить одно в другое. Теперь у меня есть целая карета с книгами, так что все в порядке.

Мне вспоминается сообщение, которое мне послала Вивиан Ламарк – одна из моих любимых поэтесс. Оно гласит: «Какая красота! Какая прекрасная мысль пришла тебе в голову! Как будто чудесный сельский домик Вулф, но только Вулф крошечной, четырех или пяти лет...»

* * *

Сегодняшние заказы: «Лолли Уиллоуз» Сильвии Таунсенд Уорнер, «Последние вещи» Дженни Оффилл, «Научи нас сидеть спокойно» Тима Паркса, «Элизабет и ее немецкий сад» Элизабет фон Арним, «Сад Зеленой ведьмы» Эрин Мерфи-Хискок, «Безумные декабри» Эдны О’Брайен.

26 января

Снова позвонил равнодушный голос спасательной службы. Сообщил об ожидаемом снижении температуры ночью

и последующем гололеде на дорогах. Такое впечатление, что мы находимся на съемках «Твин Пикс», между Соединенными Штатами и Канадой, как и задумано Дэвидом Линчем. Но только здесь, в Лучиньяне, Лора Палмер осталась жива и открыла книжный магазин. Она построила его из дерева, как второй из трех поросят.

Уже довольно много лет назад вышла книга под названием «Инструкция по использованию волка» молодого писателя Эмануэле Треви. Эта тоненькая книжица представляет собой необыкновенный концентрат энергии. В нашем книжном я бы выложила ей все стены. По сути, против волка, как он пишет, сделать ничего нельзя. Волк придет и разрушит дом всегда и при любых обстоятельствах. А значит, да здравствует первый из трех поросят, который сопротивляется дуновению страха при помощи хрупкой соломинки.

Однако книжный магазин из соломы я построить никак не могла. Поэтому позвонила Валерии, моей подруге-архитектору из Флоренции, у которой есть жених-англичанин в Лукке, дававшей новую жизнь всему жилью, что я ремонтировала. Я попросила ее обдумать проект книжного магазина из дерева.

Валерия приехала ко мне, и, когда увидела, где я хочу воздвигнуть свою маленькую, защищенную от волков крепость, лицо ее озарилось. Ей нравятся сложные задачи, из которых она всегда находит выход. Я просто влюбилась в нее, стоя у стены, где наносились на пробу разные варианты оттен-

ков краски. Она всегда выбирала оттенок, который нравился и мне. И таким образом через ее руки прошли все мои дома, и мы всегда были во всем согласны. Приглушенные, бледные или размытые цвета и много-много света.

Но здесь клочок в два с половиной метра на крутом холме, где под обрывом на склоне растет множество согнутых от постоянного ветра оливковых деревьев. С нашей стороны – две вещи: любовь и мечта.

Я выкладывала у себя фото английских, французских, голландских книжных магазинов, виды садов со скамейками в прованском стиле, выкладывала калитки, дверные ручки, стулья, лампы, чашки, люстры, лестницы с цветами, выкладывала цветы и коробочки – я твердо верила в силу деталей. Валерии же, бедняжке, приходилось иметь дело с геологами, инженерами и металлическими опорами, тогда как я в три часа ночи слала ей фотографии цветущих улочек и коттеджей для эльфов.

В тот день, когда на железный помост, расширивший площадку, предназначенную для зарождающегося книжного магазина, плотник настелил доски из дерева и стали вырисовываться очертания стен и потолка, мы были счастливы как маленькие девочки. И потом, второй поросенок был не таким уж ленивым, у него имелся эстетический вкус, ведь дом из дерева – самый красивый. Вот этого Треви не написал. Надо обязательно ему сказать.

Однако во всем остальном он оказался прав: волк ра-

но или поздно все равно появляется, и в коттедж «Сопра ла Пенна»¹³ он тоже придет уже совсем скоро.

* * *

Сегодняшние заказы: «Чудесная жизнь» Патриции Кавалли, «Мало-помалу» Беатриче Дзербини, «Книга Балтиморов» Жоэля Диккера, «Любовь и другие формы ненависти» Луки Риччи, «Долгое мгновение» Сары Фрунер, «Зимняя прогулка» Генри Дэвида Торо.

27 января

Год назад в этот день мы организовали мероприятие, посвященное Дню памяти жертв холокоста. На него записалось с десяток ребят. Элеонора, девочка, которая живет чуть ниже Лучиньяны и является своего рода местной Гретой Тунберг, прочитала своим нежным голоском одну историю, а потом дети рисовали то, что осталось после чтения у них в голове. Не считая Анжелики, чьей чуткости и внимательности можно только позавидовать, меня еще поразило то, каким образом на чтение реагировал один из детей, страдающий

¹³ «Сопра ла Пенна» (*итал.* *Sopra la Penna*, дословно «Над ла Пенна») – название книжного магазина Альбы Донати. Название отсылает к улице, над которой на холме располагается магазин, но также и к непосредственному значению слова *penna* – «перо» (птичье, писательское). – *Прим. пер.*

дефицитом внимания. Маттео слушал с широко открытыми глазами, как будто весь целиком превратившись в слух. Такие вещи – это тоже волшебство.

В наш сад ведет калитка шалфейно-зеленого цвета, и нужно спуститься лишь на одну ступеньку, чтобы оказаться в сказке. По крайней мере, так рассказывают наши посетители. Здесь растут дикие сливы и персики, глициния, пионы и розы. Столики и стулья – из железа, есть еще пара небесно-голубых адирондаков и пара тканевых шезлонгов в цветочек. Адирондаки очень востребованы, и есть даже люди, желающие зарезервировать «те стулья».

«Те стулья» родились благодаря фантазии Томаса Ли – архитектора, который в начале двадцатого века проводил летние отпуска в горах Адирондак неподалеку от города Уэстпорт, на границе между штатом Нью-Йорк и Канадой. Со временем они стали самыми знаменитыми садовыми стульями.

На деревьях развешаны перевернутые чайные чашки, а также лампочки, зажигающиеся, как только садится солнце. А еще здесь есть домик для птичек, выкрашенный моими руками в зеленый и небесно-голубой цвета. Но птички так и не пожелали в нем жить. Поначалу это сводило меня с ума, пока мой брат, давний охотник, не объяснил мне, что это из-за кошек: птички их опасаются и поэтому не заселяются.

Кошки живут у Луизы, чей магазинчик находится в нескольких метрах от книжного. У нее их довольно много.

Днем их не видно, зато ночью сад становится их домом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.